

На верхнем месте слева три старших мастера обменялись взглядами, все нахмурились.

Ли Мухуа уставился на какую-то «ведьму»:

— Госпожа, только что я сказал необдуманные слова, почему вы так сильно переживаете из-за вопроса о наложнице?

— Да, отец — это закон для сына, муж — закон для жены, — Чжан Цзысянь поглаживал бороду.
— Госпожа, как хозяйка нашего клана, должна строго соблюдать женские добродетели и следовать четырём принципам. Даже если патриарх возьмёт наложницу, вы должны спокойно согласиться, а не препятствовать, чтобы проявить великодушие хозяйки.

Чи Юэ сразу понял, что этот год не будет удачным.

Янь Були рассмеялся:

— Два старших мастера говорят правильно. Я также предлагал патриарху взять наложницу, но он тогда строго отказал и поклялся, что в этой жизни женится только на мне и больше не возьмёт других женщин... и мужчин. Если нарушит клятву, пусть его поразит молния и его род прервётся!

Чи Юэ: [...]

Услышав это, все посмотрели на патриарха с глубоким уважением. Некоторые любители сплетен внизу начали шептаться и обсуждать.

— Наш патриарх действительно предан, он точно заслуживает звания лучшего мужчины в мире.

— Это точно! Патриарх чрезвычайно балует госпожу! Чтобы не беспокоить её отдых, он даже перенёс новогодние поздравления с завтрашнего дня на сегодняшний вечер, а фейерверки разрешено запускать только до полуночи. Завтра утром в Долине Лазурных Глубин даже ветер не посмеет подняться.

— Странно, в день свадьбы госпожа предала клан и пыталась убить его, говорят, даже изменила ему. Как он может так её баловать? Может, его чем-то опоили?

— Эй, эй, вы там, потише! Даже цзяоцзы не могут заткнуть вам рты? Хотите дожить до следующего года?

Хуан Баньшань поднял глаза, осмотрел зал, поправил рукава и, обратившись к Чи Юэ, спокойно сказал:

— Патриарх и госпожа глубоко преданы друг другу, что вызывает глубокое восхищение и является благом для нашего клана. Поднимаю скромный тост за вас двоих, желаю вам вечной гармонии и тысячелетнего союза.

— Благодарю старшего мастера Хуана.

Янь Були изначально не любил этого старика, но, учитывая праздник, решил не спорить с этим старым одиноким псом.

Однако, когда он уже собирался поднять чашу для ответного тоста, Чи Юэ отобрал её у него.

— Это моя чаша.

— А что, нельзя воспользоваться? Я тебе противен?

Чи Юэ строго посмотрел:

— Не пытайся обмануть, беременным нельзя пить алкоголь.

Янь Були опустил голову и, сдерживая слезы, выпил глоток чая. Блин, он уже несколько месяцев не пил алкоголь, и его внутренний червь, жаждущий выпивки, уже готов был разорвать его изнутри...

Лэ Цяньцю, не успев вернуться в Северное Шу для встречи Нового года, также остался в Долине Лазурных Глубин. Сидя рядом с Хуан Баньшанем, он, увидев маленькие жесты двух на главном месте, улыбнулся и сказал:

— У меня есть старый рецепт, по которому можно приготовить чай с ароматом алкоголя, который по вкусу почти не отличим от настоящего. Если госпожа Цзян хочет...

— Хочу, хочу! — Янь Були не стал церемониться.

— Тогда благодарю старшего мастера Лэ.

Чи Юэ скривил губы в улыбке. [Боже, иметь такую жену действительно стыдно.]

Лэ Цяньцю хитро прищурился:

— Патриарх Чи, не стоит благодарности. Говорят, у патриарха есть пурпурно-золотой чайник чайного мастера...

— Завтра отправлю его старшему мастеру Лэ.

Чи Юэ вздохнул. [Ха-ха, жена учителя совершенно не стесняется.]

— Патриарх Чи действительно щедр, — похвалил Лэ Цяньцю, хлопая в ладоши. — Выдать замуж за такого прекрасного мужа — это большая удача для госпожи Цзян.

Янь Були, щёлкая семечки, равнодушно сказал:

— Сойдёт, лень менять.

Все: [...]

Чи Юэ, улыбаясь, обнял (и сжал) плечо кого-то:

— Госпожа перед посторонними всегда говорит одно, а думает другое. Вы не знаете, но он также поклялся мне, что будет со мной до самой смерти и больше не прикоснётся к другим мужчинам... и женщинам, иначе его проклянут небо и земля, и люди, и боги.

Янь Були: [...]

В этот момент в зал вошёл ученик-исполнитель и доложил:

— Патриарх, госпожа Цзин из Чертога Забвения прислала поздравления. Можно ли их принять?

— Принять.

Госпожа Цзин снова прислала кувшин грушевого вина, который доставили Лю Саньцзю, Шуй Хо и Чэнь Чуань.

— Госпожа Цзин передала вам свои наилучшие пожелания и поздравила вас двоих с Новым годом, желая вам счастья и процветания.

Чи Юэ лёгким движением руки сказал:

— Наградить.

— Патриарх, госпожа Цзин сказала, что она спокойно размышляет о своих ошибках и просит патриарха вспомнить о прежних отношениях с учителем и выпить за старого патриарха, чтобы выразить свою сыновнюю почтительность.

— Хорошо.

Чи Юэ налил чашку и вылил на землю, затем налил ещё одну и выпил.

Янь Були поспешно остановил его:

— Ты не боишься, что там что-то подмешано?

Чи Юэ остановился, обернулся и улыбнулся:

— Госпожа беспокоится обо мне?

Янь Були косо посмотрел на него. [Кто о тебе беспокоится?! Ещё раз, и если там будет возбуждающее зелье, то пострадаю я.]

Шуй Хо поспешно поклонился:

— Патриарх, не беспокойтесь, в этом вине точно нет ничего плохого. Два старых мастера-врача тоже здесь, можно попросить их проверить.

— Не нужно. Даже если она захочет отравить меня, она не подмешает яд в вино для учителя.

Чи Юэ холодно улыбнулся и выпил до дна.

— Патриарх!

Только он поставил чашку, как издалека раздался голос, и Хай Шанфэй, весь в поту, влетел в зал:

— Патриарх, беда!

Чи Юэ холодно посмотрел:

— Кто в беде?

— Ах, тьфу, тьфу, я ошибся.

Толстяк повалился на пол и начал кланяться.

— Простите, патриарх, только что, когда я пошёл раздавать ужин заключённым, обнаружил, что Хуа Усинь из Ада Авичи уже давно сбежал, и все эти дни его изображал доктор Линь!

Лэ Цяньцю широко раскрыл глаза:

— Что? Разве он не уехал домой на праздники?

[Но в душе он обрадовался: Вот это мой ученик! Осмелился ограбить тюрьму Секты Врат Преисподней и ударить по лицу старого демона Чи, действительно перспективный!]

Янь Були, сжав губы, изо всех сил старался контролировать выражение лица, чтобы не улыбнуться слишком явно.

— Вы все просто бесполезные!

Чи Юэ глубоко вдохнул и холодно сказал:

— Где Линь Цзыюй?

— Ждёт за пределами зала.

— Приведите его сюда!

Кто-то сзади потянул его за рукав:

— Патриарх, в канун Нового года проливать кровь не к добру, будьте снисходительны.

Чи Юэ, видя, как кто-то злорадствует, разозлился:

— Я разве сказал, что убью его? Если убивать, то пусть старший мастер Лэ сам расправится с ним!

Лэ Цяньцю: [...]

[Черт, это что, загонять утку в горшок?]

Линь Цзыюй был приведён Ху Чэданем и встал на колени в центре зала. На нём была одежда Хуа Усиня, он был растрёпан и грязен, и, если не присматриваться, действительно трудно было отличить их друг от друга.

— Скажи, Цзыюй...

Лэ Цяньцю с сожалением спросил:

— У тебя что, зависимость от освобождения людей?

Линь Цзыюй опустил голову:

— Ученик подвёл ожидания старшего мастера и доверие патриарха Чи, заслуживаю смерти. Наказывайте, как сочтёте нужным, я не буду жаловаться.

— Хоть немного подумай.

Лэ Цяньцю хотел рассмеяться, но посчитал это неуместным, серьёзно кашлянул и сказал:

— Я просто не понимаю, почему ты снова и снова отпускаешь этого Хуа, может, сменим человека?

[Ранее, когда его вынуждала Цзян Мочоу, это ещё можно было понять, но сейчас что, он съел что-то не то?]

— Ученик просто не мог смотреть, как он продолжает страдать в тюрьме, поэтому...

— Поэтому ты сам пошёл страдать в тюрьме?

Лэ Цяньцю действительно хотел прописать ему лекарство для улучшения интеллекта.

Чи Юэ холодно усмехнулся:

— Доктор Линь — настоящий бодхисаттва, только вот в моей Секте Врат Преисподней полно призраков, а заключённых — как собак. Ты сможешь спасти всех?

— Спасу сколько смогу. Патриарх Чи убил бесчисленное количество людей, у него каменное сердце. Естественно, он не понимает трудностей муравьёв и сложности выживания!

— Заткнись, паршивец!

Лэ Цяньцю рассердился, затем обратился к Чи Юэ:

— Патриарх Чи, простите, мой ученик неопытен, его легко обмануть старые волки. Сделайте мне одолжение, наказывайте, как считаете нужным, только оставьте ему жизнь.

— Если считать, то я действительно должен вам двоим многое. Но моя Долина Лазурных Глубин — не место для вседозволенности.

Чи Юэ вздохнул.

— Приведите доктора Линь в Чертог Забвения на несколько дней, пусть остынет.

Линь Цзыюй с облегчением вздохнул, ожидая, что его хотя бы побьют несколько десятков раз, но не ожидал, что наказание Чи Юэ будет таким лёгким.

Ху Чэдань увёл его, после чего Чи Юэ сказал Хай Шанфэю:

— Все охранники тюрьмы, идите и получите своё наказание. Кроме того, распустите слух, что на Праздник Фонарей я казню заключённого, который сбежал.

— Принято.

— Ты... ты что, собираешься ловить рыбу?

Тихо спросил Янь Були.

— А что? Разрешил им украсть рыбу, а мне нельзя снова её поймать?

Чи Юэ поднял бровь.

— Если придут, я их хорошо встречу, если не придут, то пусть парень Линь увидит, стоит ли некоторых спасать.

<http://bllate.org/book/15303/1352413>